

Предисловие

Мой отец был психопатом. Возможно, несколько странно говорить это сейчас, оглядываясь назад. Но это так. Он был очаровательным, бесстрашным, безжалостным (хотя никогда не впадал в ярость). Совести у него имелось столько же, сколько у холодильника Джеффри Дамера («Милуокского каннибала»). Мой отец никого не убил. Хотя несомненно совершил несколько убийств.

Правда, хорошо, что гены далеко не все определяют в нашей жизни?

У моего отца было также сверхъестественное умение добиваться именно того, чего он хотел. Зачастую он делал это с помощью случайно оброненных слов. Или одного красноречивого жеста. Люди даже говорили, что он похож на одного вульгарного персонажа популярного сериала «Только дураки и лошади» («Only Fools and Horses»). На самом деле так и было. Не просто похож на него — он и поступал в точности как тот персонаж (который тоже был рыночным торговцем).

Сериал «Только дураки и лошади» в точности напоминал фильм о семье Даттонов.

Помню, однажды я помогал отцу разобрать кучу ежедневников на рынке в Петти-Коат Лейн, в лондонском Ист-Энде. Тогда мне было десять лет, и я должен был быть в школе. Эти ежедневники являлись объектом коллекционирования. В них было только одиннадцать месяцев.

«Ты не можешь продавать их, — протестовал я. — В них нет января».

«Я знаю, — ответил отец. — Именно поэтому я забыл о твоём дне рождения».

«Уникальная возможность заполучить ежедневник на одиннадцать месяцев... Специальное предложение “Два по цене одного” — вы получаете дополнительный месяц на следующий год бесплатно...»

Мы распродали всю партию.

Я всегда считал, что мой отец был идеальной личностью для современной жизни. Я никогда не видел, чтобы он впадал в панику. Никто не замечал, чтобы он терял хладнокровие или раздражался по поводу чего-либо. А уж поверьте мне, что была масса случаев, когда он мог бы сделать это.

Однажды отец сказал мне: «Говорят, что страх у людей выработался как механизм выживания, защищающий их от хищников. Но, мой мальчик, ты видел много саблезубых тигров, крадущихся по улицам в наше время?»

Он был прав. Я не видел ни одного. Возможно, по ним бродило какое-то количество подлецов. Но все знали, кто это.

Долгое время, пока я рос, я считал эти меткие слова своего отца одной из его шуток торговца. Сказанной сегодня и забытой завтра. Достаточно забавной чушью, которую он нес, чтобы сбить товар. Но сегодня, через много лет, я понимаю, что на самом деле это была глубокая биологическая истина, изреченная старым мошенником. На самом деле он предвосхитил точку зрения, которой с гордостью придерживаются современные эволюционные психологи. Похоже, что мы, люди, действительно выработали реакцию страха в качестве механизма выживания для защиты от хищников. Например, обезьяны с поражением миндалины (миндалевидная железа — отдел мозга, отвечающий за сортировку эмоций) делают крайне глупые вещи. К примеру, пытаются взять в лапы кобру.

Но через миллионы лет в мире, в котором дикие звери не бродят по улицам, система страха может быть чрезмерно чувствительной — подобно нервному водителю, постоянно нажимающему на педаль тормоза, — и реагировать на опасности, которых на самом деле нет, заставляя нас принимать нелогичные и иррациональные решения.

«В эпоху плейстоцена не существовало такой вещи, как фондовая биржа, — отмечает Джордж Левенштейн, профессор экономики и психологии из Университета Карнеги-Меллон. — Но люди патологически избегают риска. Многие механизмы, лежащие

в основе наших эмоций, на самом деле плохо приспособлены к современной жизни».

Я предпочитаю версию моего отца.

Наблюдение, согласно которому современные люди патологически избегают риска, не означает, что это на самом деле так. В действительности можно утверждать, что те из нас, кто клинически негативно относится к риску (например, те, кто страдает от хронической тревожности), просто обладают хорошей вещью в избыточном количестве. Эволюционные биологи убеждены, что во времена наших предков существование индивидов, пребывающих в состоянии повышенной бдительности, могло стать решающим благоприятным фактором в борьбе с хищниками. С этой точки зрения тревожность, несомненно, была серьезным адаптивным преимуществом. Чем чувствительнее вы были к шорохам в траве, тем выше была вероятность того, что вы сохраните жизнь себе, своей семье и членам своей расширенной группы. Даже в наши дни тревожные индивиды лучше остальных обнаруживают присутствие опасности: промелькнувшее гневное лицо в череде лиц со счастливым или нейтральным выражением на компьютерном экране. Тревожные люди выявляют их намного быстрее, чем те, кто не является тревожным, — а это неплохая способность, если вам пришлось оказаться одному на улицах в незнакомом месте. Иногда тревога может оказаться очень полезной.

Конечно, мысль, что психическое расстройство порой может пригодиться и обеспечить выдающиеся и даже невероятные преимущества, а также причинить серьезные страдания, трудно назвать новой. Более 2400 лет назад философ Аристотель писал так: «Не бывает гениальности без примеси безумия». Когда речь заходит об аутизме или шизофрении, в сознании большинства людей эта связь между гениальностью и безумием выражена очень сильно благодаря успеху кинофильмов «Игры разума» и «Человек дождя». В своей книге «Человек, который принял жену за шляпу» («The Man who mistook his wife for a hat») невролог и психиатр Оливер Сакс описывает свою знаменитую встречу с близнецами. Двадцатипятилетние Джон и Майкл, страдающие глубоким

аутизмом, жили в интернате. Когда спички рассыпались по полу, оба они одновременно выкрикнули: «Сто одиннадцать!» Когда Сакс стал собирать спички, он начал считать.

Распространенный стереотип блестящего, но «страдающего» художника также не лишен оснований. Художник Винсент Ван Гог, танцовщик Вацлав Нижинский и отец «теории игр» (о которой мы поговорим позже) Джон Нэш были психотиками. Совпадение? Но не с точки зрения психиатра Сабольча Кери из Университета Земмельвайса в Будапеште, который открыл полиморфизм генов, связанных и с шизофренией, и с творчеством. Кери обнаружил, что люди с двумя копиями определенной однобуквенной вариации ДНК в гене нейрегулин 1 (вариации, которую ранее связывали с психозами, а также плохой памятью и болезненным восприятием критики) склонны демонстрировать более высокие показатели креативности, чем индивиды с одной копией этой вариации или вообще без нее. В среднем те, у кого была одна копия, были более креативными, нежели те, у кого эта вариация вообще отсутствовала.

Даже у депрессии есть свои преимущества. Недавно проведенные исследования показали, что уныние помогает нам думать — и вносит свой вклад в повышение внимательности и способности решать проблемы. Во время своего остроумного эксперимента Джо Форгас, профессор психологии из Университета Нового Южного Уэльса, расставлял разные безделушки — игрушечных солдатиков, пластмассовых животных и миниатюрные машинки — рядом с кассой маленького магазина в Сиднее. Когда покупатели выходили из магазина, Форгас тестировал их память, прося назвать как можно больше предметов из увиденных на кассе. Но в эксперименте была одна хитрость. Если погода была дождливой, Форгас включал в магазине «Реквием». В солнечные дни покупатели наслаждались музыкой Гилберта и Салливана.

Результаты эксперимента не допускали двойного толкования. Покупатели «в плохом настроении» запоминали почти в четыре раза больше безделушек на кассе. Дождь вызывал печаль, а печаль заставляла их быть более внимательными.